

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

АНДРЕИ МЕДУШЕВСКИЙ, ИРИНА САБЕННИКОВА (МОСКВА)

Война 1812 г. явилась переломным событием в истории народов Европы, ознаменовавшим конец агрессивным войнам Наполеона и приведшим к его разгрому. Ее осмысление имеет непреходящее значение для современной историографии¹. Общая борьба народов России против наполеоновской агрессии имела огромное историческое значение, способствовала подъему национального самосознания народных масс, влияла на формирование идеологии декабристского движения². В задачу статьи входит анализ современной французской историографии проблемы. Она рассматривается по следующим основным направлениям: круг вопросов изучения наполеоновских войн в целом; место войны 1812 г. среди них; характер освещения основных факторов. Современная французская историография наполеоновских войн представлена широким кругом работ разнообразных жанров—от специализированных научных изданий—монографий и статей в исторической периодике до публикаций источников.

Конец XVIII—начало XIX вв. был переломной эпохой в истории Европы, обозначившей переход от феодального строя жизни и представлений к новым, порожденным Великой французской революцией. Это была эпоха, когда в результате революции началась смена одного социального порядка другим в большинстве стран Европы, эпоха наполеоновских войн, революций, эпоха классической немецкой философии и романтизма в литературе. Она стала периодом роста национального самосознания для России, Германии, Польши, Испании и других стран. Рассматривая в целом обширную французскую историографию наполеоновских войн, в качестве определяющей ее особенности можно выделить отсутствие единого концептуального подхода к их изучению. Эта особенность рассматриваемой историографии затрудняет изучение наполеоновских войн как цельного социального явления эпохи, приводит к преимущественному уделению внимания событийной стороне, изложению фактического хода военных кампаний Наполеона. Изучение крупных социальных конфликтов, порождающих войны, нередко подменяется изложением психологии участников событий, их взглядов, поиском внешней мотивации действий и решений. Такой подход определил основные направления формирования источниковой базы и использования источников в рассматриваемых работах, особое внимание авторов к документам личного происхождения—мемуарам, запискам современников, дневникам, переписке.

Характерной особенностью французской историографии наполеоновских войн является сохранение на ней отпечатка наполеоновской

¹ Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский, Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 г., М., 1983.

² М. Г. Нерсисян, Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа, Ереван, 1965.

легенды, начавшей создаваться еще в эпоху первых побед французской революционной армии над армиями реакционных европейских монархий. Эта легенда, набиравшая затем силу в эпоху расцвета империи Наполеона, его наиболее удачных агрессивных войн, была лишь отчасти поколеблена поражениями 1812 г. и последующего времени. В период расцвета революционного романтизма образ Наполеона, как и образ Байрона, воплощал в себе идеал героической личности и сильных страстей, перестав волновать умы современников, он продолжал волновать их чувства, становясь объектом идеализации. Это обстоятельство объясняет в значительной степени тот факт, что объектом изучения французской историографии (в отличие от историографии других стран Европы) становятся прежде всего победы Наполеона: Аркольский мост, итальянский поход, египетские пирамиды, шум Средиземного моря, синее небо Италии, залитые солнцем заснеженные вершины Альп, Иена, Маренго, Аустерлиц³.

Влияние наполеоновской легенды ярко прослеживается в самой структуре книг. Победам французской армии отводится гораздо больше места, чем поражениям. В книге Ж. Люка Дюбретона изложению разделов о 1812 году (глава XI) посвящено менее десятой доли общего объема, ровно столько же, сколько главам «Женщины» (глава X), «Култ императора» (глава XII)⁴. Победы Наполеона выдвигаются на первый план, ориентируя на них внимание читателя. Характерны в этом отношении уже сами заглавия новейших публикаций, броско подчеркнутые богатством полиграфических средств: «Наполеон и судьба Европы», «Великая армия. 1804—1815»⁵, «Когда Франция оккупировала Европу. 1792—1815»⁶. Таким образом, эта историография не вышла за пределы того рокового круга, который присущ всем «популярным и занимательным» книгам о войне. С того момента, когда многоязычная четырехсоттысячная армия Наполеона переправилась через Неман и вступила в войну с Россией в июне 1812 г. до ее окончательного разгрома, когда небольшие остатки этой армии в несколько десятков тысяч человек покинули пределы России к декабрю, прошло всего около шести месяцев. Однако за этот небольшой отрезок времени произошло событие исключительной важности—основные силы наполеоновской армии перестали существовать. Путь в Европу русским войскам был открыт. Важно проанализировать, каким образом основные факты истории Отечественной войны отразились в новейшей французской литературе.

При анализе концепций войны 1812 г. в рассматриваемой историографии обращает на себя внимание отсутствие изучения социально-экономических причин, приводящих к войне. Это приводит к тому, что, рассматривая международные отношения эпохи, предшествующие войне, многие авторы фактически встают на точку зрения наполеоновской пропаганды, утверждавшей, что причиной войны является нарушение Россией континентальной блокады. Сведение франко-русских противоречий исключительно к вопросу о соблюдении континентальной блокады и рассмотрение его как главной причины войны является по меньшей мере большим упрощением. Такой подход к объяснению причин

³ «La Grande Armée. 1804—1815», Paris, Laifont, 1979.

⁴ J. Lucas-Dubreton, Les soldats de Napoleon, Paris, 1977, p. 335—368.

⁵ P. Bécot, Napoleon et la destinée de l'Europe, Paris, 1969; G. Blond, La Grande Armée, Paris, 1979.

⁶ J. Laurent, A. Varenne, Quand la France occupait l'Europe. 1792—1815, Paris, 1979.

войны ярко выражен в книге Ж. Блонда, писавшего: «Наполеон вторгся в Россию точно по той же причине, что и на Иберийский полуостров: заставить уважать континентальную блокаду»⁷. В подтверждение этого положения автор приводит данные о заинтересованности России в торговле с Англией и нарушении ею континентальной блокады еще со времен Тильзита. При такой интерпретации причин войны в центре внимания оказываются прежде всего документы наполеоновской пропаганды, пытавшейся представить причину войны как вынужденную ответную меру для оправдания своего агрессивного курса. Ряд документов такого рода—воззвание Наполеона к солдатам перед вторжением в Россию, свидетельства французских мемуаристов—опубликованы в издании К. Грюнвальда «Русская кампания 1812 г.»⁸. Наполеоновскую версию причин войны берут за основу авторы Ж. Лорен и А. Варени: «Нет смысла в рамках этой книги дискутировать о дипломатических причинах, повлиявших на решение Наполеона. Однако, несомненно, что в этой кампании они сводились к позиции царя»⁹. В подтверждение своей точки зрения они ссылаются на мемуары Наполеона, в которых тот, в частности, обвиняет Александра в нарушении континентальной блокады. С другой стороны, авторы отмечают, что победа над Россией была нужна Наполеону для укрепления влияния на Австрию, Пруссию, немецкие государства и Испанию.

События Отечественной войны 1812 г., приведшие к разгрому наполеоновской Франции, занимают в новейшей историографии непропорционально малое место. В обобщающих трудах, призванных дать общую картину наполеоновских войн, русская кампания 1812 года освещается бегло. В книге П. Бека «Наполеон и судьба Европы» объемом в 350 страниц войне 1812 года уделено менее 20 страниц¹⁰. В книге «Когда Франция оккупировала Европу, 1792—1815» объемом около 600 страниц глава под названием «В России и Польше» (1812 год) занимает 60 страниц¹¹. В книге Ж. Блонда «Великая армия. 1804—1815» описанию русской кампании отведены три главы: «Выжженная земля», «Москва—город в огне», «Ледяной ад». В этой книге объемом около 600 страниц эти главы занимают менее ста.

Изложение хода событий войны 1812 г. в большинстве работ не носит проблемного характера. Как правило, в работах отсутствует разбор значительной новой советской и зарубежной историографии, что мешает четко сформулировать исследовательскую задачу, высказать авторскую точку зрения по дискуссионным вопросам, наметить перспективы дальнейшего изучения, учитывая накопленный фактический материал источников и отталкиваясь от уже решенных проблем.

Поэтому целесообразно, исходя из советской историографии проблемы, наметить ключевые вопросы истории войны 1812 г. и проследить характер их рассмотрения в современной французской историографии¹². Вопрос о периодизации войны, продолжающий оставаться дискуссионным в современной историографии, не становится предметом изучения в новейшей французской историографии. Вместе с тем характер изложения и подачи материала в рассматриваемых работах позволяет представить ответ на этот вопрос. Наиболее типичными являются двух-

⁷ G. Blond, указ. соч., с. 319.

⁸ C. de Grunwald, *La campagne de Russie*, Paris, 1964.

⁹ J. Laurent, A. Varenne, указ. соч., с. 377.

¹⁰ P. Bécat, указ. соч., с. 243—260.

¹¹ J. Laurent, A. Varenne, указ. соч., с. 377—437.

¹² Б. С. Абалякин, В. А. Дунаевский, указ. соч.

и трехэтапная периодизация. Ряд авторов группирует события войны по этапам до вступления в Москву и после отступления из нее (что выражается в подразделении раздела о войне 1812 г. на главы «Марш на Москву», «Отступление из России»¹³). Другие историки склоняются к трехэтапной периодизации, выделяя в качестве самостоятельного этап пребывания французов в Москве (это нашло выражение в трех главах книги Ж. Блонда: «Выжженная земля», «Москва—город в огне», «Ледяной ад»¹⁴). В качестве разновидности этой схемы можно рассматривать периодизацию К. Грюнвальда («Вторжение», «Великая битва» (Бородино), «Французы в Москве», «Отступление»)¹⁵. Применяется и более детальная периодизация («Наступление», «Встреча» (Бородино), «Отступление», «Разгром»)¹⁶. Суммируя подходы французской историографии к вопросу о периодизации событий войны 1812 г., можно констатировать отсутствие единого подхода к этой проблеме. Однако некоторые различия критериев периодизации не исключают определенного единства этой литературы в общей концепции войны и ее хода. В основе этой концепции лежит представление Наполеона, выраженное в его бюллетенях, нашедшее отражение и в других французских источниках. Смысл этого представления сводился к возможности достижения победы над Россией путем уничтожения ее армии в одном или нескольких решающих сражениях. Это определило стратегический замысел Наполеона, выбор основного стратегического направления—«в сердце России, на Москву». В соответствии с этой идеей ход войны подразделялся на две части—до «битвы за Москву» и вступления в нее и после нее. Под влиянием такого восприятия хода событий, отраженного во французских источниках, современная историография уделяет недостаточное внимание другим переломным событиям хода войны—Бородинскому сражению, Тарутинскому маневру, битве под Малоярославцем, значение которых учитывается при периодизации войны в советской историографии.

Характер освещения основных факторов проводится в рассматриваемой историографии в русле «истории битв», традиционной для буржуазной историографии и вызывающей справедливую критику ряда французских историков¹⁷. Событийный подход отразился в некоторых специальных трудах о «русской кампании», нашел выражение в структуре монографических исследований. Показательна в этом отношении структура книги Ж. Тири «Русская кампания», представляющей собой академическое исследование, основанное на использовании архивных и опубликованных источников и широкого круга литературы: названия глав соответствуют географии продвижения французских войск¹⁸.

В центр внимания авторов попадают прежде всего ключевые события, влиявшие на ход военных действий, и принятие решений Наполеоном и его генералами. Описание же событий, их оценка даются с точки зрения французских современников, прежде всего самого Наполеона. Показательно в этом отношении пристальное внимание авторов к оценкам Наполеоном ситуации и хода военных действий, а также к источникам, главным образом мемуарам французского командования.

¹³ J. Laurent, A. Varenne, указ. соч.

¹⁴ G. Blond, указ. соч., с. 317—405.

¹⁵ C. de Grunwald, указ. соч.

¹⁶ P. Bécat, указ. соч.

¹⁷ L. Febvre, *Combats pour l'histoire*, Paris, 1965.

¹⁸ J. Thiry, *La campagne de Russie*, Paris, 1969.

зафиксировавшим эти его оценки (мемуары Коленкура, Сегюра)¹⁹. Говоря о решении Наполеона начать войну с Россией, ряд авторов справедливо обращает внимание на предупреждения некоторых специалистов (напр., Коленкура) и некоторых офицеров, опасавшихся повторения в России событий в Испании и обращавших его внимание на необычайную широту театра военных действий, суровость климатических условий и стойкость населения. Авторы акцентируют внимание на этих высказываниях, оказавшихся пророческими, расценивая принятое императором решение как его «самую великую авантюру». Ж. Блонд прямо сопоставляет тезис Наполеона о том, что «эта война будет короткой» со словами Гитлера о молниеносной войне²⁰. В связи с этим ряд авторов интерпретирует известную беседу Наполеона с Балашовым, намекавшим на участь Карла XII. Описание хода последующих событий дается под влиянием идеи Наполеона о необходимости во что бы то ни стало добиться решающего сражения. Следуя этой стратегической логике Наполеона, рассматривается, как правило, битва за Смоленск, ставшая определенным этапом в реализации этого плана. Как показано в советской историографии, битва за Смоленск сыграла важную роль в ходе войны, ослабив наступательный порыв французской армии. Именно в Смоленске возникла альтернатива о том, продолжать войну или нет, и если продолжать, то в каком стратегическом направлении—на Москву или на Петербург. Ряд наполеоновских генералов высказывал мысль о том, что сильная растянутость коммуникаций не позволяет продолжать преследование противника, но Наполеон принял решение о продолжении войны. Исходя из этого решения Наполеона, многие авторы дают оценку Смоленской битвы именно с этой точки зрения, не ставя задачей показать объективное значение битвы в ходе разворачивавшегося противоборства.

Общая концепция войны 1812 г. в рассматриваемой историографии отчетливо проявляется в освещении ею важнейшего события войны—Бородинской битвы. Французская историография традиционно рассматривает ее как «битву за Москву», тем самым фактически сводя ее результат к отступлению русской армии и оставлению Москвы. Такая оценка битвы отражает скорее точку зрения наполеоновской пропаганды, чем объективное положение дел. В советской историографии показано, что Бородинское сражение можно рассматривать как переломное событие в ходе войны, имевшее выдающееся международное, политическое и социально-психологическое значение. В новейшей французской историографии наметился более сбалансированный подход к освещению Бородинской битвы: некоторые авторы справедливо указывают на то, что это была пиррова победа Наполеона²¹ и что даже в военном отношении ее нельзя с полной уверенностью причислить к его победам. Называя ряд классических в истории военного дела сражений—Канны, Марафон, Павия, Фонтенуа, Полтава, Росбах, Аустерлиц, Ваграм,—специалисты по военной стратегии и тактике не причисляют к ним битву за Москву при Бородино, считая ее «менее элегантно», чем другие битвы Наполеона²². В освещении предыстории и хода битвы действия и решения Наполеона оказываются в центре внимания. При-

¹⁹ Segur (comte de), *Histoire de Napoléon et de la Grande armée pendant l'année 1812*, Paris, 1973; A. Gaulaincourt, *Le livre de la famille impériale*, Paris, 1969.

²⁰ G. Blond, указ. соч., с. 319.

²¹ D. Olivier, *L'incendie de Moscou (15 septembre 1812)*, Paris, 1964, p. 22.

²² G. Blond, указ. соч., с. 336.

водятся свидетельства о его физическом состоянии, а недостаточное активное (в сравнении с прежними временами) участие в ходе военных действий объясняется усталостью, бессонницей, мигренью и т. п., приводятся выдержки из его писем. Ход сражения, потери сторон излагаются по французским источникам, критический анализ которых проводится недостаточно.

При анализе потерь французской и русской армий в битве при Бородине прослеживается тенденция к преуменьшению потерь французов по сравнению с русскими. Без необходимой критики используются данные о потерях сторон, приводимые в письмах Наполеона к австрийскому императору и к Марии Луизе. Тири без соответствующих историко-ведческих комментариев приводит данные о потерях из письма Наполеона к австрийскому императору, где потери русских оцениваются в 40—50 тыс. чел., а французов—в 8—10 тыс. чел. убитыми и ранеными²³. Ж. Блонд приводит данные о потерях 45 тыс. русских и 15 тыс. французов, аргументируя эти данные²⁴. П. Бек называет цифру потерь—45 тыс. русских и 20 тыс. французов, также без указания источников. В действительности, как показано в советской историографии, соотношение потерь было иным. По данным П. А. Жилина, урон войск Наполеона убитыми и ранеными составил более 50 тыс. чел. или 40,3% их состава, а русская армия потеряла почти 44 тыс. чел., т. е. 36% состава²⁵. Л. Г. Бескровный считал, что французская армия понесла урон в 58 тыс. 578 чел., а русская—38.506 чел.²⁶ Данные советской историографии по этому вопросу приводятся в английском специальном исследовании о Бородинской битве²⁷. По данным специальных исследований английских военных историков, наполеоновская армия потеряла в этом сражении «определенно не менее 30 тыс. чел. убитыми или ранеными»²⁸.

Таким образом, данные, часто приводимые в ряде новейших французских работ, нуждаются в существенных коррективах.

Французская историография традиционно рассматривает вступление армии Наполеона в Москву как переломное событие в истории войны. При описании известных событий, связанных с пребыванием французов в Москве, обращает на себя внимание подчеркивание стихийного хода событий, их предопределенности течением обстоятельств. Историки смотрят на эти события глазами французских мемуаристов, которые вместе с Наполеоном с недоумением ожидали на Поклонной горе депутации бояр, с удивлением видевших перед собой опустевшие улицы и дома, покинутые населением. Это же относится к описанию жизни французской армии в Москве: она рассматривается совершенно вне действий противника—русской армии, осуществлявшей в этот период знаменитый Тарутинский маневр. Этим они как бы подчеркивают стихийность событий, обособленность французской армии, ее отрезанность от внешнего мира, обреченность ее фатальным развитием событий. В этой связи характерно огромное внимание, уделяемое авторами пожару Москвы, которому посвящены и специальные моно-

²³ J. Thiry, указ. соч., с. 157.

²⁴ P. Bésat, указ. соч., с. 25.

²⁵ П. А. Жилин, Гибель наполеоновской армии в России, М., 1974, с. 162.

²⁶ Л. Г. Бескровный, Отечественная война 1812 г., М., 1962, с. 396.

²⁷ Ch. Duffy, Borodino, London, 1972, p. 138—139.

²⁸ Chandler., The Campaigns of Napoléon, London, 1967, p. 807: Ch. Duffy, указ. соч.

графии²⁹. Пожар Москвы выступает здесь как решающий фактор в разложении и деморализации французской армии. В центре событий находится личность Наполеона, оценка событий является его оценкой: «я побеждал армии, но я не мог победить пламя». Длительность пребывания французов в Москве объясняется попытками переговоров с русским командованием о заключении мира. Дается характеристика посланий Наполеона Александру (через Яковлева), Кутузову (через Лористона) по дипломатическим каналам. При этом характеристика действий Наполеона редко сопровождается описанием действий противника. Вопрос о подготовке контрнаступления русской армии нередко заменяется другим: кто в действительности поджег Москву? Д. Оливье склоняется к заключению о Ростопчине как главном виновнике поджога, и на этом основании считает его наряду с Кутузовым одним из главных участников событий, чьи действия привели к поражению французов. При этом она отвергает версию Л. Н. Толстого о случайном возникновении пожара, а также версию о неосторожности недисциплинированных французских солдат как его причине³⁰.

Различные свидетельства источников о пребывании французов в Москве, противоположные указания виновников пожара продолжают оставаться объектом споров в историографии. К. де Грюнвальд, приводя свидетельства источников по этому вопросу, завершает их источниками, сводящими причины пожара к обстоятельствам военного времени, а не умышленному поджогу³¹. Оценка общего значения московского периода войны может быть сделана лишь при сопоставлении его с предшествующими и последующими событиями, что не всегда имеет место в рассматриваемой литературе. Как показано в советской историографии, оставление Москвы и длительное пребывание французов в ней, приведшее к деморализации их армии, было частью глубоко продуманного стратегического плана русского командования, приведшего к осуществлению главной идеи Кутузова—сохранить армию и обеспечить условия для ее перехода к контрнаступлению. Однако события в русском лагере, Тарутинский маневр, переход в контрнаступление русских войск освещается в изучаемой историографии недостаточно и часто вне связи с положением французской армии. Это не позволяет вскрыть реальные причины отступления французов из Москвы, а также направление этого отступления—по старой Калужской дороге. Сражение под Малоярославцем, фактически определившее путь отступления французской армии, предстает из-за этого как самостоятельное, вырванное из цепи событий, как неожиданное появление казаков, наводивших панику на французские войска.

Очень мало внимания современная французская историография уделяет такому принципиальному вопросу, как народный характер войны 1812 года, нашедшему выражение в развертывании партизанского движения. Участие широких народных масс в освободительной борьбе явилось одним из решающих факторов в победе русской армии. Это хорошо показано в советской историографии³². Важно отметить, что наличие мощного партизанского движения, приведшего к уничтожению значительной части армии противника, отмечалось французскими ме-

²⁹ D. Olivier, указ. соч.

³⁰ Там же, с. 229—243.

³¹ C. de Grunwald, указ. соч.

³² М. Г. Нерсисян, *Участие армян в Отечественной войне 1812 г. Из истории русско-армянских отношений*, Ереван, 1956; И. И. Ростунов, *На старой Смоленской дороге*, М., 1972.

мемуаристами—свидетелями описываемых событий. В их дневниках и воспоминаниях дается характеристика действий партизан, их боевых операций, отражается неуверенность завоевателей. Многие мемуаристы прямо сравнивают события в России и в Испании: в этих странах на наполеоновской армии было оказано сопротивление со стороны народа, а не только регулярных войск. Несмотря на прямые указания источников об этом, в новейших работах отсутствуют попытки проанализировать объективные причины этого сходства событий в двух странах. Даже в обобщающих трудах о наполеоновских войнах эти события рассматриваются обособленно, и вопрос о социальном содержании этих войн, эволюции его специально не ставится. Сопоставление социальных сил нередко заменяется сопоставлением событий, часто отдельных военных действий. Действительно, если видеть причину поражения Наполеона в России в величине театра военных действий и суровости русского климата, то трудно сопоставить ее с причинами поражений в Испании, которая имеет гораздо меньшую территорию и более теплый климат. На наш взгляд, сопоставление хода событий в этих двух странах показывает их общее социальное содержание: народный характер освободительной войны в условиях феодального строя.

В связи с изучением действий народных масс встает проблема роли личности в истории. Война 1812 г. выдвинула ярких полководцев, сумевших понять и использовать народный характер войны для достижения победы над сильнейшей армией Европы. В оценке роли личности Наполеона и Кутузова новейшая французская историография продолжает руководствоваться традиционным представлением о волевых решениях и идеях великих людей как создателях исторических действий, которое было опровергнуто уже Л. Н. Толстым. Этим в значительной степени объясняется отсутствие интереса к социально-экономическому положению страны, характеру социального строя, освободительному или завоевательному характеру войны, связи армий с народом, социальному содержанию противоборствующих лагерей. Рассмотрение этих объективных процессов уступает место характеристике внешних, подчас исключительно военно-политических событий. Личность отрывается от эпохи и приобретает самодовлеющее значение. Кроме того, не всегда можно разделить этический пафос рассматриваемой историографии, восхваляющей «великую армию» Наполеона и идеализирующей его личность.

В историографии давно обращалось внимание на следующий принципиальный факт: наполеоновская армия 1812 г. представляла собой уже нечто совершенно иное, чем в начальный период своего существования, в эпоху революционных войн. Некоторые авторы, справедливо обращая внимание на этот факт, не пытаются осмыслить его социальное значение и последствия. «Великая армия» Наполеона, вторгшаяся в Россию, представляла собой пестрое собрание вооруженных сил многих государств Западной Европы, из которых собственно французские войска составляли не более трети, причем старых солдат стало меньше. В эту армию входили солдаты из Бельгии, Каринтии, Кроации, Далмации, Саксонии, Баварии, Польши, Италии, Швейцарии, Дании, Вест-фалии, Вюртемберга, Мекленбурга, Пруссии, Австрии, а также Испании и Португалии³³. Это смешение более чем 20 языков, форм, военных правил напоминает современному исследователю Вавилонское столпотворение. Автор приводит ценные сведения о противоречиях внутри этой

³³ G. Blond, указ. соч., 317.

армии, доходивших до окрытых конфликтов (напр., выступление солдат из Испании при вступлении в Россию), а также свидетельства источников о повышенном дезертирстве, мародерстве и вообще различных проявлениях деморализации. Эти факты, не часто приводящиеся в историографии, определенно свидетельствуют о наличии упадочных тенденций во французской армии. Один из участников русской кампании 1812 г., по свидетельству современника, всегда вспоминал о ней со слезами, а когда на улице шел снег, он не мог выходить из дома³⁴. В результате войны 1812 г. от 400 тысяч человек, перешедших Неман в начале кампании, к ее концу осталось от 10 до 20 тысяч человек, около 100 тысяч попали в плен. «Великая армия» более не существовала. Разгром наполеоновской армии в России обусловил ее последующее поражение в ходе войны на территории Западной Европы и привел к краху империи.

Подводя итог рассмотрению французской историографии Отечественной войны 1812 г., необходимо подчеркнуть, что в ней в полной мере не показано значение этого выдающегося события как переломного в истории России и Европы в целом. В анализе причин возникновения, хода и результатов войны эта литература придерживается традиционных концепций буржуазной историографии.

³⁴ Там же, с. 11.